

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ю. В. ЗЫЦАРЬ

О РОДСТВЕ БАСКСКОГО ЯЗЫКА С КАВКАЗСКИМИ

Еще в древности возник спор о том, родственны ли некоторые народы Пиренейского полуострова некоторым народам Кавказа. По свидетельству Аппиана (II в. н. э.), кавказских иберов одни считали колонией иберов пиренейских, другие — их предками, третьи же не видели между ними ничего общего, кроме имени, никакого сходства ни в образе жизни, ни в языке. Что касается пиренейских басконов, составивших позже ядро баскской народности, то Страбон (I в. н. э.) отделял их физически и по языку от трех окружавших их иберских групп (аквитаны, кантабры, собственно иберы юго-востока полуострова). Значит, если пиренейские иберы были связаны с кавказскими не только по имени, но и по происхождению, для басконов такая связь Страбоном ставилась под сомнение.

Позже этот сложный вопрос во всех своих аспектах еще более усложнился. Одно время не сомневались между прочим и родстве пиренейских иберов и басков (В. Гумбольдт и др.). Но теперь большинство исследователей придерживается другого мнения, главным образом потому, что тексты типично иберских мест (юго-востока полуострова) не удается понять при помощи баскского языка. С другой стороны, баскско-кавказские сопоставления Н. Я. Марра, Г. Шухардта, А. Тромбетти, И. Карста и других современных им и предшествовавших ученых, как это признано, не доказали искомого родства, не дали нужного комплекса фонетических и морфологических соответствий.

Из ученых этой плеяды особенно интересовался данным вопросом Н. Я. Марр. Он даже выдвинул баскско-кавказское родство как о с н о в н у ю задачу и р а б о ч у ю г и п о т е з у для кавказоведов, против чего в свое время возражал А. Мейе, который указывал, что искомая семья, если она в действительности существовала, представляла собой единство в V—IV тысячелетии до н. э. или даже еще раньше, и советовал Н. Я. Марру вернуться к построению сравнительно-исторической грамматики как необходимой предпосылки плодотворных сопоставлений большого масштаба. Таким образом, А. Мейе, допуская возможность родства, сомневался в возможности вскрыть его при современном уровне изучения материала, при отсутствии древних памятников баскского и кавказских языков, а также соответствующих таким задачам памятников некоторых других — мертвых — языков. В последующее время вопрос о баскско-кавказском родстве вновь обсуждался в специальной литературе в связи с опытами К. Боуда, Р. Лафона и др.

В текущей дискуссии о задачах кавказоведения высказаны весьма различные взгляды по этому вопросу. Е. А. Бокарев допускает возможность баскско-кавказского родства, но считает, что без помощи сравнительно-исто-

рической грамматики кавказских языков вскрыть его нельзя¹. В. Георгиев, напротив, отрицает эту возможность, потому что не находит общности наиболее устойчивых групп слов и считает случайными морфологические совпадения, а также потому, что баскско-кавказская гипотеза, предполагающая, по его мнению, древнюю языковую непрерывность в бассейне Средиземного моря, противоречит положению об индоевропейском происхождении древнейшего населения Эгейской области². Правда, болгарский ученый допускает, что самое древнее население этой области (эпохи неолита, возможно V тысячелетия до н. э.) могло быть неиндоевропейским. «Однако дешифровка минойских надписей показывает, что еще до греков в Эгейской области жили племена, говорившие на особом индоевропейском языке»³, что и заставляет В. Георгиева сомневаться в возможности баскско-кавказской общности.

И. М. Дьяконов подкрепляет тезис В. Георгиева о древнем этно-лингвистическом многообразии на *Mare Nostrum*⁴. А так как даже древневосточные языки оказываются «неподатливыми» к попыткам «увязать» их друг с другом и с кавказскими языками даже тогда, когда угадываются глубокие связи (хурритский, урартский), возможность баскско-кавказского родства ставится, казалось бы, под большое сомнение. Однако, как следует из той же статьи И. М. Дьяконова, нельзя забывать о том бурном развитии, которое успели претерпеть древневосточные языки, а также о той исключительной роли, которую играло в их жизни скрещивание с другими языками. Надо полагать, что благодаря инородному элементу, растворившемуся в гуще хурритов и урартийцев, их языки в гораздо большей степени утратили свой «кавказский облик», чем удаленный от Кавказа хаттский, исчезнувший прежде, чем он успел впитать чуждый элемент в больших размерах. Ясно, что особых преимуществ по выявлению связей кавказских языков с древневосточными языками и не следовало бы ожидать. Также и шумерский язык прошел, вероятно, не одно историческое испытание, и происхождение его гетерогенных компонентов загадочно. Не менее сложен и эламский материал, а от так называемых «каспийских» языков мало что сохранилось. О хаттском пока нельзя составить вполне точного представления, хотя он-то и признается наиболее близким к кавказским языкам. Еще более затруднены попытки увязать кавказские языки с лигурийским и некоторыми близкими баскскому частями иберийского языкового мира. В баскском часть древних слов и форм вытеснена романизмами. Кроме того, баскский язык — младописьменный, как и столь же архаичные иногда горские кавказские языки. Грузинская письменность стара. Но еще до ее появления Грузия пошла по пути быстрого и сложного развития. Кавказский элемент в различных индоевропейских и хамито-семитских языках, если он даже значителен и древен, как в хеттском, остается всего лишь элементом. В некоторых местах, как в Эгейской области, проблематичный «подселой» оказывается под двойным слоем и вне этнотопонимики вряд ли может поддаться анализу, если он здесь вообще существует.

В свою очередь, установление такой этнотопонимики затруднено, а помимо обычных препятствий, таковым может быть еще одно важное, на наш взгляд, обстоятельство: изменение этнического содержания терминов,

¹ См. Е. А. Бокарев, Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков, ВЯ, 1954, № 3, стр. 48.

² См. В. Георгиев, Вопросы родства средиземноморских языков, ВЯ, 1954, № 4.

³ В. Георгиев, История Эгейского мира во II тысячелетии до н. э. в свете минойских надписей, ВДИ, 1950, № 4, стр. 61.

⁴ См. И. М. Дьяконов, О языках древней Передней Азии, ВЯ, 1954, № 5.

остающихся от древнейшего населения и закрепляющихся за пришельцами — носителями победившего языка. Примером может служить история термина «хатты», оставшегося от древнейшего населения центральной Малой Азии, но закрепившегося позже за пришельцами-победителями, подлинного имени которых мы не знаем, условно называя их хеттами или хеттами-цеситами. В данном случае нам известно название содержания термина. А если бы вместо Богазкёйского архива до нас дошел живой хеттский язык, то мы, считая его индоевропейским, как и армянский, считали бы, возможно, индоевропейским и сам термин «хетты». Следовательно, часть этнопонимов, в индоевропейском или хамито-семитском происхождении которых мы не сомневаемся, так как их несут эти народы, может быть «местного» происхождения.

Но не характерны ли подобные «метаморфозы» только для Древнего Востока? Надо полагать, что нет, так как одна из основных причин явления состоит в земледельческом характере древнейшего населения, которое, как указывает И.М. Дьяконов, не уходит с приходом новых племен и этнически часто преобладает, независимо от политической и языковой судьбы района, и так как земледельческим было не только население Древнего Востока, с которым исторически преемственно связан Кавказ, но и древнейшее население Иберо-Аквитании, отчасти Ингурии, возможно — Эгейской области¹.

Допуская возможность таких превращений этнопонимов не только для Передней Азии, но и для других районов Средиземноморья, обратимся к вопросу о возможности баскско-кавказского родства. Есть мнение, что сходство пиренейского и кавказского терминов «иберы» случайно. Так ли это?

На полуострове термин зафиксирован с VI в. до н. э. Общеизвестно, что он связан здесь с названиями рек *Iber* в Каталонии (современное Эбро) и на юге (современное Рио-Тинто). Кроме того, есть *Ibars* в Каталонии, *Ibero* в Наварре и т. п., а помимо топонимов формы этого корня были «разветвлены» в древнейших языках страны, родственных баскскому, потому что в баскском мы имеем *ibar* «речная долина» и связанные с ним *ibai* «река», *ibon* «горное озеро», *ibi* «ручей», *ibi, ibaso* «брод» и т. д., откуда *Ibia*, *Ibis*, *Ibilla* у Ливия, Мелы, Стефана Византийского, современные *Ibeas*, *Ibaso*, *Ibide*, *Baigorri* «Красная река», *bigerriones* в Аквитании, *Baiona* «хорошая река», романское *vaica* **ibai-ko* «прибрежный», возможно, исп. *bahia* «залив».

Европейский термин *Iber* пытались толковать как баскское *ib*- «река, вода» + *erri* «народ», т. е. «речной народ» или «речной посолок», хотя возможна и этимология *ib* + *ar*, где *ar* «мужчина, человек» (ср. *arr-eba* «сестра брата», буквально: «родственница мужчины», *nar/b-ar* «наваррец», буквально: «человек навь — долины среди гор»). Надо учитывать в этой связи и то, что в Басконии сохранились пережитки культа вод, некогда широко распространенного и известного также на Кавказе. Кавказский термин *Iber*-, зафиксированный с IV в. до н. э., также как будто уходит своими корнями в местную почву: ср. названия сванских обществ *Ipari*, *Pari*², груз. *bari* «долина» и т. п.

Для правильного понимания связи баск. *ibar* «речная долина» с груз. *bari* «долина» (сравнение Р. Лафона), исчезновения начального *i*- и оглу-

¹ Именно земледельческий характер баскско-кавказской общности, если она допустима, вместе с отдаленным сроком ее распада привел к ее крайней лингвистической дробности и явился основной причиной, по которой ее большая часть оказалась в «подслое». Корни всех перечисленных препятствий ее выявления — в ее характере.

² См. В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, I, М. — Л., 1949, стр. 293.

шения *b* в *Ipari, Pari* надо учитывать не только данные картвельской фонетики, но и баскской. Ср. баск. *pide* — *bide* «дорога», баск. *gorr-i* «красный» — *i-garr, kharr* — *i-kharr* «пламя», *a-gorr, khorr, gorr* «сухой, твердый, глухой» и т. п. Иными словами, в основе сопоставления пиренейского и кавказского этнонимов большой древности лежит сопоставление несомненно исконных баскского и кавказских лексических «узлов», предложенное весьма осторожным французским ученым и хорошо «обставленное» фонетически. Нам кажется, что сходство этих слов и терминов может быть не случайным, как и сходство пиренейских «Арагон», «Арга» с кавказскими «Арагви», «Арагвети» и т. п., баск. «Альба» с древневосточным «Альпа», кавказским «Албания» и т. п.

Правда, Р. Лафон, сопоставляя баск. *ibar* с груз. *bari*, вместе с тем опасается сопоставлять связанные с ними этнонимы, так как этноним «иберы» закрепился на Пиренейском полуострове, в основном, за народом, язык которого не может быть разъяснен при помощи баскского: уже Страбон отличал басков от иберов, современные историки и большинство лингвистов также видят в иберах людей хамитического происхождения, пришедших из Африки.

Но, по нашему мнению, термин «иберы» на Пиренейском полуострове, включая Каталонию и Юг, остался от древнейшего дохамитического его населения, родственного баскам, и закрепился за пришельцами-хамитами, подлинного имени которых мы не знаем, подобно тому, как в Малой Азии «местный» термин «хетты» закрепился за пришельцами индоевропейского происхождения, т. е., как нам кажется, и в этом случае имело место изменение этнического содержания термина. Если это предположение правильно, то хамитическое происхождение посетителей пиренейского термина не будет препятствовать его сопоставлению с кавказским.

А правильность этого предположения, опирающегося на исторические данные о земледельческом характере древнейшего населения полуострова, подтверждается тем, что оно объясняет разногласия древних историков по вопросу о родстве азиатских и европейских иберов и, ставя вопрос о значительности «местных» пережитков в пиренейских хамитических языках (т. е. в иберском), объясняет отзвуки баскского в иберских текстах и многочисленные связи баскского с этими языками, как связи с их дохамитическим «подслоем»¹. Приведем несколько примеров таких связей.

Еще Гумбольдт толковал названия иберских племен бастулов и баститанов (*bas-t-uli* содержит *uli* = *uri* = *iri* = *ili* «народ, поселение, город», ср. *Ili-m-berris, Pu-m-berris* «Новгород» в латинской передаче) с помощью баскск. *baso* «лес», которое обозначало раньше «дикие места: горы, покрытые лесом», что напоминает нам о культе горных и лесных духов у басков. По соседству с басками на арагонской территории жило иберское племя «илергеты», в Каталонии — племя «иларгаконы», а в Аквитании — «илуроны». В основе первых двух названий, без сомнения, лежит баск. *ilargi* «луна» > **ilargi-etes* с обычным окончанием (ср. *ceretes, vardietes* и т. п.) > **ilargi + ko + on* «люди луны», где *-k/go* — адъектив, а *on* — обычное окончание этнонимов (ср. для *-on* — *ausones, pelendones* и т. п., а также баск. *giz-on* «мужчина» от *giza* «человек»). В основе третьего этнонима содержится, вероятно, то же *il* «луна». Известно, что на полуострове был широко распространен культ луны, который сохранился и у басков в пред-

¹ Эти связи К. К. Уленбек, а за ним Ж. Лаконб и другие пытались объяснить при помощи хамитического элемента в баскском, а не при помощи баскского элемента в хамитическом иберском. Но хамитический элемент в баскском повелик, а такие «узлы» как *ibar* — *ibai*, находящие отзвук в хамитических районах всего полуострова, являются в баскском исконными. Следовательно, реальное положение вещей противоположно тому, что думал К. К. Уленбек.

ставлении о луне как об оплодотворительнице растений. По свидетельству Страбона, на северо-западе в полнолуние устраивали коллективные пляски в открытом месте. На юге найдены монеты с изображением луны. Авинен отмечал, что турдетаны почитали луну, называя ее «светилом ночи». Он передавал, таким образом, структуру турдетанского слова, совпадающую с баск. *il-argi*. Культ луны распространялся и в северную Африку к берберам по следам топонимии, объясняемой в свете баскского (но не берберского) языка¹.

По следам культа луны, в свою очередь, тянутся на юг связи термина «баск». Восходящее к глубочайшей древности современное баск. *eusk(o)* «баск» имело раньше также вариант **iusk(o)*, который заложен в средневековом баск. *Ipuskoa* (современное *Gipuzkoa* — центральная провинция Страны Басков; *p/b* здесь — эвфоническая вставка, обязательная в бискайском для сочетаний гласного *и*, а конечный гласный — артикль), и вариант **ausk(o)*, который содержится в аквитанском этнониме *Ausk-i*². Этим вариантам закономерно отвечают формы *uask(o)*, *uesk(o)*, которые лежат в основе греч. *οὐασκιδες*, лат. *vascones*, франк. *gwaskon* (откуда Гасконь), исп. *vascones*, *vascones* (с обычным *-on* восточных этнонимов), лат. *vasco*, (Сирий Италик), исп. *vasco*, франц. *basque*³, а также и основе южных: *Vesci*, *Vescitani* (Плиний), *Vescila* (Ливий), западной *Viro-vesca* (современное *Briviesca*, где *viro* от кельт. *briga* «крепость»). Ю. Покорный⁴ возводил *ausc-i* к **a-uasc-i*, объясняя здесь *a-* как артикль, который в своем развитии из самостоятельного слова мог употребляться в препозиции прежде, чем окончательно «постпозитивироваться» в баскском. Действительно, подобно **avask*—*uask*, *ausk*, имеем *apar-* (кантабрийское племя, ср. кавк. *апар*⁵)—*var-d-uli*, *var-di-etes* (где первое принадлежит западным баскам; для членения ср. *bas-t-uli*—*bas-ti-tani*, *tur-d-uli*—*tur-de-tani*⁶ и т. п.), подобно *uask*—*ausk* имеем этнонимы *Uakk*—*Auk(o)*, *vasates*—*auso-nes* и т. п. Однако Покорный не учитывал одного, что с препозитивным артиклем связано подвижное *и*, которое соответственно появляется и исчезает также в окончании топонимов с постпозитивным артиклем, ср.: *Oska*—*Oskua*, *Olaza*—*Olazua*, *Ameza*—*Amezua* и т. д. Это *и* перемещается и в *euskara*—*eskuara* (сулетинское *uskarra* «баскский язык, по-баскски»). Его первоначальное место в составе слова фиксировать трудно. Поэтому формы *ausk*, *eusk* с таким же правом можно считать первичными, как и формы *uask*, *uesk*. Вот почему есть основание связывать их с баскским *eguzki*, *euzki*, обозначающим «солнце». Подробно остановиться на этом здесь нельзя. Укажем только, что культ солнца был распространен на полуострове не менее, чем культ луны⁷. А вместе с ним распространились и этнонимы от корня *eusk*, которые могут быть истолкованы при помощи баск. *eguzki* «солнце», так же как название «илергеты» — при помощи баск. *ilargi* «луна».

Из сказанного следует, что названия хамитических иберских племен, в том числе «иберы» — не хамитические во многих случаях, но баскские,

¹ См. А. В. Мишулин, Античная Испания, М., 1952, стр. 182—183.

² *Ausc-i* (современное франц. *Auch*, лат. *Augusta Auscorum*) были одним из главных племен Аквитании. Что касается фонетики, см. R. L a f o n, Passage de *au* à *eu*, *e* en basque, «Revue internationale des études basques», т. XXV, 1934, № 2. Правильнее говорить, однако, не о переходе, а о соответствии *au/eu*.

³ Отсюда англ., нем., русск. *баск*. Характерно, что лат. *vasconice*, исп. *vascuence* «по-баскски, баскский» представляют собой структурную копию баск. *eusk-ara* «по-баскски, баскский», а исп. *vascongado* (< **vasconicatu*) переводит баск. *eusk-al-dun-a* «имеющий баскский, баск».

⁴ «Reallexikon der Vorgeschichte», VI, Berlin, 1926, стр. 7.

⁵ Это сравнение отнюдь не доказывает правильности: **абаск* — *абтаз*.

⁶ Вероятно, так же следует членить *kar-t-veli* (*kar-t-uli*).

⁷ См. А. В. Мишулин, указ. соч., стр. 182—183.

т. е. связанные с древнейшим дохамитским слоем Иберо-Аквитании. Но это вовсе не значит, что под баскскими названиями не укрывался чуждый баскам хамитический элемент. Очевидно, что здесь неоднократно повторяется случай с «хаттами» и «хеттами» с той разницей, что вместо индоевропейцев — хеттов «надслоем» оказываются хамиты — иберы. Если учесть, что проникавшие из Африки уже во II тысячелетии до н. э. хамитские племена не были сформированным в своей сущности этносом (П. Боск-Джимпера, А. В. Мишулин и др.), распространялись, вероятно, небольшими группами и сливались с местным, оседлым и многочисленным населением, то станет понятным обилие старых этнонимов. Вот чем объясняются двойные формы племенных названий, как *турдулы* — *турдетаны*, *узски* — *узскитаны*, *аузоны* — *аузетаны*, *лузоны* — *лузитаны*, *кереты* — *керретаны*, *бастулы* — *баститаны*. Поскольку приметой хамитских племен в этнонимах является суффикс *-тан*, столь характерный для районов юга и юго-востока¹, следует называть иберов-хамитов «танами» или «иборо-танами» в отличие от древних «ибаров», так же как мы называем хеттами-неситами² «надслойную» часть хаттов. Таким образом, как это ни парадоксально, иберы пиренейские связаны с кавказскими только по имени, оставшемуся от баскских предков (и по другим о с т а т к а м), но не более прочно; для басков же по этой причине связь с Кавказом становится весьма вероятной.

Возражая против возможности баскско-кавказского родства, указывают на несходство основных тематических групп слов в сравниваемых языках. Однако, если баскско-кавказская общность существовала, она прошла такой исторический путь и распалась так давно, что явного сходства и не следует ожидать. Возьмем для примера названия частей тела: баск. *buru* «голова», *oin*, *or* «нога» и т. п. Сопоставляя их с семантически равными кавказскими обозначениями, мы не находим никакого сходства. Но с учетом древности распада предполагаемой общности и ее характера мы будем искать соответствия баск. *buru*, *oin*, *or* не только в анатомической части кавказского словаря, но и в других его частях. И что же тогда? Тогда оказывается, что баск. *buru* «голова» сходно с груз. *burv-a* «покрывать голову», *buru-li* «крыша», *sa-bura-vi* «крыша», *ta-burv-a* «жертвовать деньги на погребение», раньше «класть деньги, подарок на голову умершего»². Баск. *bihotz* «сердце» не имеет прямых семантических созвучий в кавказских языках. Но оно состоит из префикса *bi-* и корня *hotz*³. Если учесть, что корень *hotz*, *hortz* известен в баскских словах, обозначающих «бог», «небо», раньше, вероятно, также «дух, душа», откуда «материализованное» значение «сердце», и что баск. *go-go* «мысль, душа, *pensée*, *esprit*» есть удвоенная форма от *go* «небо, верх», (*«бог»), то можно ожидать «материализованного» значения «сердце» в кавказских анатомических терминах не только для баск. *bihotz*, но и для баск. *go-go*. Оно-то и оказывается сходным с корнем *g* грузинского *guli* «сердце» (ср. также груз. *g-oni* «душа»). Мы бы хотели найти в кавказских языках соответствия баск. *beso*, *esku* «рука». Но Н. Я. Марр указывал, что древнейшим обозначением руки было слово *al/r* (<**hal*); ср. баск. *ar-tu* «брат», *al* «мочь,

¹ Попытка Н. Я. Марра истолковать этот суффикс как «яфетический» неудачна. Но следует учитывать, что если даже какой-либо этноним не имеет второй формы, подобно *бастулы* — *баститаны*, а только одну форму на *-тан*, корень данного этнонима может не быть хамитическим. Так, *kar-pe-tani* (из **kar-te-tani*) вполне сопоставимо по корню с *kar-tveli*.

² Одна из лучших этимологий Н. Я. Марра. Ныне Я. Браун привлекает к сравнению с баск. *buru* также удинск. *bul* «голова». См. ниже мое сопоставление с кассит. *barhu* «голова».

³ Ср. С. С. Uhlenbeck, Die mit *b-* anlautenden Körperteilnamen des Bas-kischen, «Festschrift Meinholz», Hamburg, 1927

возможность», раньше «мощь, сила». Приняв эту этимологию, мы ищем прямых кавказских соответствий баскскому **hal*. Но оно оказывается сходным с чанск. *ka* «ветвь», мингр. *ka* «ветвь», др.- арм. * *kal*, заключенным в *kal-n-um* «беру» (ср. для значения баск. *adar* «рог», также «ветвь», баск. *zain* «корень», также «жила, вена» и т. п.). Черк. *le* «нога» и баск. *or*, *oin* «нога» не сходны. Но черк. *le* можно сопоставлять и с баск. *le* «низ», которое содержится в сложных *le-gor*, *le-horr* «суша, земля», *le-garr* «песок, гравий», *l-ur* «земля», *le-gor*, *el-kor* «сухой» и др. (первоначальное значение — «сухой низ»), тем более, что баск. *le* выделяется как «нога» из баск. *be-la-un/r* «колени» < *be* — префикс + *la* «нога» + *buru* «голова», в целом «голова ноги»¹. Естественно, что мы не найдем прямого соответствия специфичным баскским названиям частей тела на *b*-(*begi* «глаз», *belarri* «ухо», *bihotz* «сердце», *beso* «руки», *belain* «колени», *bular* «грудь» и др.), если не будем учитывать, что *b*- здесь префикс. Этот омертвевший префикс был отмечен как таковой уже давно и впервые выделен в анатомических терминах К. К. Уленбеком в 1927 г. Но К. К. Уленбек не сумел его объяснить, видя его только в названиях частей тела. В настоящее время польский кавказовед и басколог Я. Браун объясняет этот префикс как омертвевший классный показатель, имеющий в горских кавказских языках форму *ba*-, *be*-, *bi*-, *bu* - и встречающийся не только в баскских анатомических терминах, но и в других баскских словах, как, например, *baso* «лес», *potzo* «собака» и др., начинающихся на *p/b/m*. Это объяснение подтверждается тем, что с его помощью становится понятным наличие или отсутствие *p/b* в баск. *bel* «месяц» и «тьма» (ср. *bele* «ворон», *beltz* «черный») — баск. *il* (< **el*) «месяц, луна, тьма, смерть» и в других «парах». А такое же явление в словах романского происхождения (баск. *on* «хороший» < лат. *bonu*-, баск. *ollo* «курица» < исп. *pollo* «цыпленок») показывает, что окончательное омертвление показателя с его прикреплением или отпадением «навечно» произошло в баскском не так давно. Наоборот, как предполагает Г. Климов, принимавший участие в работе Я. Брауна, в картвельских языках, где тот же показатель «омертвел» главным образом в анатомических терминах (ср. груз. *piri* «рот», сопоставимое с баск. *biri* «легкое»), этот процесс более стар.

Прежде, чем сопоставлять с кавказскими словами баск. *neba* «брат сестры», *arreba* «сестра брата», *aizpa* «сестра сестры», *alaba* «дочь», *illo-ba* «внук, внучка; племянник, племянница», надо выделить из них элемент- *p/ba*, *aba*, *eba*, *oba*, которому Гарате² придавал значение «родственник, родственница», и который вызывает у баска смутное представление о «старшем родственнике, предке» (ср. *ab-erri* «родина»³). Полученное *aba* оказывается похожим на груз. *babua* «дед». Исконно баскское обозначение женщины восстанавливается из *ne-ska* «девушка» (где *-ska* уменьшительный суффикс, как в *abere-ska* «маленькое животное» от *abere* «животное») и *ne-ba* «брат сестры», раньше «родственник женщины»⁴.

¹ Этимология К. Боуда, одобренная Р. Лафоном. (Некоторые слова в баскском, как *azpi*, *behere*, обозначают и «ногу», и «низ».)

² J. Garate, Ensayo sobre los nombres vascos de parentesco, «Revue internationale des études basques», t. XXIV, № 1, 1933, стр. 106 и сл.

³ *Aberri* — неологизм, согласно П. Ланду, но неологизм народный; ср. *aberri-eguna* «день родины», т. е. день победы народного фронта в Испании в 1936 г. и провозглашения автономии басков. (См. газ. «Euzkadi roja» за апрель 1947 г., №№ 36—38.)

⁴ Не «женщина» сохранилось также как грамматический формант в «инетане», т. е. женском спряжении; ср. *ethortzen nintzau-n* «в приходе к тебе я емь, о женщина» и *ethortzen nintzau-k* «в приходе к тебе я емь, о мужчина». Показатель *k* (также *ki*) «икетана», т. е. мужского спряжения, одинаковый с показателем эргатива, может восходить к знаменательному слову в значении «мужчина». Предположение о развитии *-n* «инетана» из *na* *na* лсп. *doña* < *domina* (Г. Шухардт) лишено оснований.

Полученное *ne* К. Боуда сопоставляет с черк. *ne*. Исконно баскское обозначение «сына» не так легко восстановить, так как с одинаковым успехом к этому значению можно возводить и *aur*, и *sein*, и *k/hume* «дитя, ребенок», а в сложных словах вроде *etakume* «женщина» (ср. *etazte* «жена» < *eta* + *gazte* «молодая женщина») *k/hume* могло раньше значить опять-таки «ребенок». Но здесь нам на помощь приходят баскско-кавказские структурные параллели. Если сопоставить баск. *eta-kume* «женщина», раньше «девушка», буквально: «женщина-ребенок» или «женщина-сын» с груз. *kali-švili* «девушка», буквально: «женщина-сын» (то же в других кавказских, в шумерском и др.), то предпочтительней окажется значение «женщина-сын» для баск. *eta-kume*, а *kume* будет искомым обозначением. Несходное с груз. *švili* «сын», оно найдет свой возможный генетический эквивалент в груз. *qma* «юноша, солдат».

Если приходится допускать не только совпадения, но и расхождения в такой устойчивой группе слов, как термины родства, естественно ожидать их и в числительных, и в личных местоимениях. Последние исторически тесно связаны с формами спряжения и в баскском, и в кавказских языках. Поэтому совершенно прав Р. Лафон, когда он доказывает, что соответствия баскским личным местоимениям могут быть найдены в кавказских показателях спряжения, и наоборот. Но дело тут не только в местоимениях и показателях спряжения. Вопрос надо ставить шире: вправе ли мы ожидать вообще морфологических расхождений. Конечно, морфология — наиболее устойчивая часть языка. Факты показывают, что словоизменительная морфология почти непропиадаема для иноязычных влияний. В этом смысле прав был А. Мейе, когда называл ее *système fermé* («замкнутой системой»). Однако она пополняется и вырастает из определенного — весьма широкого в баскском и кавказских языках — круга слов. Перед ними она не замкнута. Следовательно, будучи устойчивой, она подвижна. А так как ее движение совершается непрерывно, какая-то часть морфологии в разошедшихся родственных языках различна. Эта часть тем больше, чем дальше разошлись языки.

Баскский и кавказские языки, если они из одного корня, разошлись так далеко, что мы должны ожидать значительных морфологических расхождений. Их пути многообразны. При общих тенденциях развития, но при различной потенциальной лексической базе грамматики могут приобрести одинаковое грамматическое значение однозначные, но не родственные слова. Возможно, что такой случай мы и наблюдаем в использовании слов в значении «голова» для выражения возвратности в баскском и кавказских языках. Но, с другой стороны, при известной общности лексической базы одно и то же слово может получить различные грамматические значения в результате различных тенденций развития. Возможно, что такой случай мы и наблюдаем в грамматическом использовании слова *gan* («место»?) в баскском и кавказских языках. Баскские послелоги *-gan* «в, у», *-ganik*, *-gandik* «из», *-gutik* «из за», *-gana* (t) «к» Л.Л. Бонапарт, Г. Шухардт, Р. М. де Аскусе возводили к ром. *ca* < *casa* «дом», ср. франц. *chez* «у» < лат. *casa*. К. К. Уленбек, однако, настаивал на форме *gan* как исходной.

В 1933 г. Р. Лафон привлек к сравнению груз. *-gan* «из» (*pir-isa-gan* «изо-рта», *dilit-gan*, *dilid-gan*, *dilidan* «с утра», *gan-vida* «он вышел» при *mo-vida* «он приходит»), реликтивное груз. мингр. *gan-i* «ширина», также «сторона» (*gan-se vtozeb*, *ma gan-iše vteuk* «я оставляю его в стороне»), *or-gan-it* «с двух сторон»), чечен., ингуш., бабб. *ge*, *ga*, *go* — неподвижный элемент некоторых падежей, удинск. *ga* «место» (из *gan*, ср. род. падеж *gan-ej*, дат. падеж *gan-u*). После этого романское происхождение баскских послелогов оказалось под большим сомнением. Правда, функционально

они смыкаются отчасти с романскими образованиями типа франц. *chez* и отличаются от кавказских образований, материально сходных. Но это можно объяснить разницей путей грамматики одного и того же слова, которое не только у басков, но и на Кавказе совсем недавно — однако до распада картвельской области — употреблялось как знаменательное.

Из сказанного следует вывод: баскско-кавказское родство возможно. Утверждение, что его нет, так же преждевременно, как и утверждение, что оно есть.

*

Возможно ли родство баскского с древневосточными языками? Историческая наука устанавливает преемственную связь древнейших передне- и малоазийских культур с культурами Кавказа. Географический путь от Пиренеев к Кавказу по берегу Средиземного моря пролетает через Малую и Переднюю Азию. Если баски имеют отношение к кавказцам, они должны быть исторически связаны и с Древним Востоком.

Действительно, некоторые сходные культы (подземных чудовищ и т. п.) археологически выявляются на Древнем Востоке и в Пиренеях. Особенно, разительное сходство с пиренейской культурой обнаруживает некоторый материал в западной части Передней Азии. Речь идет прежде всего о находках 1928—1931 гг. в Палестине экспедиции парижского Института палеонтологии человека¹. Характерно, что места этих находок совпадают с местами, где отмечается (И. М. Дьяконов) появление хурритской ономастики во II тысячелетии до н. э.

Языковеды в свою очередь допускают, хотя и не без оговорок, — особенно значительных в отношении шумерского и эламского, — возможность родства кавказских и древневосточных языков. Так как последние составляют промежуточное звено между баскским и кавказскими языками и представляют собой древний памятник предполагаемой кавказо-древневосточной общности, методически правильной было бы сопоставлять баскский прежде всего с древневосточными, а не прямо с кавказскими языками. Между тем до сих пор ученые минуя древневосточные языки на пути от басков к Кавказу (нам известны только три опыта: Г. Винклера, А. Г. Сейса, К. Боуда²).

А между тем, хотя выше мы подчеркивали недостатки древневосточного материала, не следует забывать, что все же перед нами древняя письменность и что мы вправе ожидать от нее некоторых указаний.

Просматривая древневосточный материал, опубликованный И. М. Дьяконовым в его дискуссионной статье, басколог не может пройти мимо ряда фактов. Внимание привлекают прежде всего термины родства. Правда, баск. *aita* — шумер. *a*, *ad(a)* — хуррит. *attai* — элам. *atta* «отец»; баск. *ama* — шумер. *ama* — хуррит. *amma* — элам. *amma* «мать» не удивят нас, так как эти термины одинаковы во множестве языков³. Баск. *ab/ra* — груз.

¹ См. «Illustrated London News» 5 XI 33, а также Valle de Lersundi, Descubrimiento interesante en Palestina, «Revue internationale des études basques», t. XXIV, № 1, 1933.

² Впрочем можно упомянуть в этой связи К. Оштира, И. Карста, Э. Бонелли, А. Тромбетти, Н. Я. Марра.

³ Их связь может быть семантически прямой: ср. хет.-несит. *attas* — греч. *ἄτα* — лат. *atta* — гот. *aita* — алб. *at* — ирл. *aite* — русск. *om-ec* < **att* — турп. *ata* «отец» и т. п. (И. М. Дьяконов), или обратной: ср. др.-инд. *atta* «мать», *attih* «старшая сестра» — этр. *ati* «мать» (В. Георгиев), а также шумер. *ammati* «дед» (при *amma* «мать») — груз. *tata* «отец». Возможно, что в основе груз. *deda* «мать» лежит форма, которая в других языках имеет значение «отец». Характерно, что нем. *Vaterland*, русск. *отчизна* в грузинском находят соответствия в сложных от *deda* «мать», которое образует также слова «столица», «родной язык» и т. п. (см. К. Датикашвили, Грузинско-русский словарь, т. 1, Тбилиси, 1953, стр. 672 [на груз. яз.]).

babua (см. выше) — шумер. *rab* «старший дядя по отцу, дед» тоже как будто находят отзвук в других языках¹. Но хуррит. *šala*, урарт. *šila* «дочь» есть уже специфичный термин, как и хуррит. *ela* «сестра», баск. *ala-ba* «дочь», *ala-r-gun* «вдова», *ill-oba* «внук, внучка, племянник, племянница». Согласно А. Кампиону и Гарате, баск. *ala-* значило «женщина». Баск. *ala-ba* «дочь» значит дословно «родственник, родственница *al'*ы». Баск. *illo-ba* содержит вторично удвоенное *ll* (под влиянием *i*), а *oba* в нем есть вариант *aba* (см. выше). Его исходная форма **-ila-oba*, а дословное значение «родственник, родственница *il'*ы». В баскских диалектах широко известно соответствие *a — e — i*. Чередование *a — i* наблюдаем в хуррит. *šala* «дочь» — урарт. *sila* «дочь». Есть, следовательно, основания связывать баск. **ala-*, **ila-* («женщина») с хуррит. *ela* «сестра», *šala* «дочь», урарт. *šila* «дочь», рассматривая *š* в последних двух как остаток более древнего начального согласного, общего для всей группы. Семантическое обоснование не составит затруднений. Другое совпадение: хуррит. *a'ti* «жена, женщина» — баск. *aiz-ra* «сестра сестры», буквально: «родственница женщины» (ср. для значения последнего баск. *arreba* «сестра брата», буквально: «родственница мужчины»). Биск. *aizta* «сестра сестры» по своему *t* ближе к хуррит. *a'ti*, но в основе его лежит тот же элемент *aiz*. Биск. *aizto* «старуха», вероятно, относится сюда же. Согласно Гарате, элемент *aizt* «женщина» имеем также в баск. *urr-itz-a* «самка», *ug-atz* «sinum mulieris». Еще одно совпадение: баск. *ana-i* «брат брата» — хуррит. *šena* «брат», которые сопоставимы так же, как хуррит. *šala* — баск. *ala*.

Не менее любопытны совпадения в анатомических терминах. Сходство баск. *buru* «голова» (груз. *buru-li* «крыша») — кассит. *barhu* «голова» еще ни о чем не говорит. Но в связи с баск. *b-egi* «глаз» — шумер. *igi* «глаз», баск. *be-so* «рука» — шумер. *su* «рука, кисть», баск. *año* «рот» — шумер. *ka* «рот» оно может показаться не столь случайным. Особенно же разительные совпадения находит в древневосточных языках одна баскско-кавказская параллель из приведенных выше, которая могла показаться сначала несколько проблематичной. Речь идет о баск. **hal* «рука» (из *ar-tu* «брат», *al* «мочь», раньше «мощь, сила») — чанск. *ka* «ветвь» — мингр. *ka* «ветвь» — др.-арм. лит. **kal* «рука» (из *kal-n-um* «брат»). Семантическая структура элам. *ki/urpi* «рука, сторона, сила» заставляет вспомнить о том, что баск. *al* содержится также в *al-de* «бок, сторона» (*d/te* — суффикс, ср. *elur-te* «лавина» от *elur* «снег») и *al-bo* «сторона, бок». А затем находим и материальное сходство для баскского слова в шумер. *à* «рука, бок, сила», хуррит. *ur*, урарт. *ar* «давать».

Можно еще отметить: баск. *uri* «город, поселение» — шумер. *uri* «поселение», баск. *et'e* «дом» — шумер. *é, e'* «дом», баск. *ibi* «ручей» и т. п. — шумер. *id(i)* «река, канал» (с учетом *b-d* в баскских диалектах), баск. *gudu* «война» — урарт. *gunu-ē* «битва» (с учетом *d-n* в баскских диалектах), баск. *egi-n* «делать» — шумер. *ag(a)* «делать» — хуррит. *ag* «направлять», баск. *jin* «приходить» — шумер. *gin* «ходить», баск. *e-tor-ri* «приходить» — шумер. *tu(r)* «входить», баск. *hari* «действовать, работать» — элам. *hali* «делать, работать», баск. *amar* «десять» — хуррит. *etan* «десять». Этот список можно было бы увеличить.

Подводя итог, отметим, что, по нашему мнению, возможно родство баскского не только с кавказскими, но и с хатским, хурри-урартским

¹ Ср. арм. *rap* «дед» — этр. *rapid* в основе этр. *rapals* «впук» — лат. *pa-ter* «отец» — также и. -е **au* > лат. *avus* «дед» и др. (см. о лаг. *pa-ter* и о семантических закономерностях: А. В. Исаченко, Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания «Slavia», годн. XXII, sess. 1, 1953).

языками, а также с шумерским и эламским в той мере, в какой эти последние сохранили «кавказский фермент». Об этом говорит лингвистический материал.

*

Что касается исторических данных, то, помимо указанных параллелей между Басконией и Древним Востоком, можно было бы привести некоторый этнографический и антропологический баскско-кавказский материал. Мы ограничимся только указанием на еще один общий для басков и кавказцев культ, которому отвечает и общность соответствующих слов. Имеется в виду культ дуба и сопоставление баск. (*h*)aritz «дуб» с арм. доиндоевр. (*h*)arit в Ardo-arit «Медвежья дубрава» и в Harita-Vank «Священный Дубняк — монастырь Аритца»¹.

В отношении же индоевропейских «барьеров» на пути от Пиренеев к Кавказу, можно отметить, что для отдаленных времен, о которых идет речь, столь же возможны «прерывы» в распространении той или иной общности, как и ее непрерывность, и тезис о древнем этно-лингвистическом многообразии в Средиземноморье не противоречит положению о родстве отдельных древнейших нехамитических и неиндоевропейских групп местного населения, более или менее удаленных друг от друга и от берега моря. Если древние хамитические и индоевропейские племена Пиренейского полуострова были родственны таким же племенам Древнего Востока, то почему не могли быть родственны между собой отличные от них пиренейские и древневосточные племена?

Антропология решительно отказывается отождествлять пиренейского и кроманьонского человека. Этническая «пестрота» в Западной Европе восходит, надо полагать, к палеолиту. Но весьма древними являются связи баскского лигурского района и гецуэзской лигурской территории. От басков к итальянским лигурам тянется через южную Францию топонимика на -sk(o), т. е. на тот суффикс, который содержат баск. eu-sko «баск», eu-zh-i «солнце»: Venosc, Albiosc, Iantosque, Vichosc, Venasque, Salasc, Gréasque и т. п.

Вместе с тем некоторые балканские этнонимы вполне могут восходить не к индоевропейскому слою, хотя последний весьма древен, как показал это акад. В. Георгиев. В порядке обсуждения отметим следующий факт. Греч. Εἰβρος относится к той реке, протекавшей на фрико-илирийской территории (впоследствии Верхняя Мёзья, ныне Югославия), которая в современном сербо-хорватском называется Ibar (Верхний и Нижний). Это название не принадлежит, конечно, сербо-хорватскому, как и Kopačnik, Visitor и т. п. поблизости от Ибара². Парадоксальным образом Εἰβρος Геродота, Еврипида и др. напоминает современное исп. Ebro, а современное сербо-хорв. Ibar, наоборот, — др.-пирен. *Ibar. Не предлагая пока объяснения этому противоречию, мы все же позволим себе предположить, что сербо-хорватская форма восходит также к глубокой древности, тем более, что балканский этноним Albani, вероятно, не случайно совпадает с баск. Alba и с кавказским Albania. Это вовсе не значит, что мы видим в албанцах басков или кавказцев. Это значит только, что на Балканах под старыми этнонимами могли «укрываться» новые слои населения, подобно древневосточным хеттам (не хаттам) или пиренейским иберам (не ибарам!). Проблематичность и неясность остатков доин-

¹ Эта этимология принадлежит Н. Я. Марру. В. Георгиев приводит только его сравнение баск. (*h*)aritz с арм. индоевр. kalin «жолудь», kalni «дуб», которое ошибочно.

² Ср. рум. kapači «деревя», visitor «сновидец» (см. В. Ф. Шпигельман, Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР, сб. «Вопросы молдавского языкознания», М., 1953, стр. 91).

доевропейского субстрата на Балканах не означает еще, что этого субстрата здесь не было.

Вполне возможно также, что родственные предки басков и кавказцев осев местами по берегам Средиземного моря на всем их протяжении еще до прихода хамито-семитских и индоевропейских племен, составили основную «плет» в первоначальной этнической мозаике Средиземноморья.

Это допущение не означает еще, что мы приветствуем скудно аргументированные построения И. Губшмида, соглашаемся полностью с теорией третьего этнического элемента или сочувствуем теории северогерманской прародинны индоевропейцев. Использование фактов, говорящих о возможности определенной средиземноморской общности, расистами, И. Губшмидом или Н. Я. Марром не может отпугнуть нас от самих фактов. Противопоставив теории германской прародинны, например, теорию восточной прародинны (вслед за французскими и некоторыми немецкими языковедами), более надежную, чем положение об исконности индоевропейцев на Средиземном море, мы должны всячески подчеркивать древность индоевропейских племен на его берегах, их многочисленность (этруски, или их «верхний слой» — пеласги, лидийцы и др.), а вместе с тем строить объективные предположения и о связях других народов этой области.

Допуская возможность родства баскского с кавказскими и древневосточными языками, мы должны вместе с тем, подчеркнуть, что это родство остается гипотезой. Какой материал может служить ныне — после пересмотра баско-кавказских сопоставлений А. Тромбетти и его западноевропейских современников — для того, чтобы говорить об этом родстве как о доказанном? 35 морфологических сближений, суммированных Р. Лафоном, 50 лексических сопоставлений Р. Лафона и К. Уленбека, 350 лексических сопоставлений К. Боуда и несколько — И. Губшмида. Необходимо учитывать и некоторые фонетические совпадения (не соответствия!), большие, подчас разительные, синтаксические, как и вообще структурные «схождения». Надо учитывать также, что из забытых ныне материалов Н. Я. Марра должна быть взята и присоединена сюда известная часть его этимологий. Но из 350 сравнений К. Боуда приемлемы только некоторые (баск. *eder* «красивый» — сван. *ezer*)¹. Допустим, что их число достигает половины всей суммы (350). При грубом подсчете материальный результат работы выразится в пифрах: 35—40 — морфология (Лафон—Марр), 250—300 — лексика (Уленбек—Лафон—Боуда—Марр — может быть, Губшмид). Учтем, что в большинстве случаев совпадения единичны (баск. — лак., баск. — убых.) и приходится на горские кавказские языки, которых много и которые весьма неясны в их генетических связях. Учтем, что даже в тех случаях, когда сопоставления не единичны (баск. — груз. — сван. — мингр. — удин. и т. д.) и приходится на картвельскую общность, элемент сомнения велик, так как кавказские языки не приведены к общему знаменателю. В ходе реконструкции их истории может оказаться, что нити, которые протянутся от данной формы в другие кавказские языки, приведут к архетипам, совершенно отличным от привлекаемой ныне баскской формы. Учтем, что мы не знаем ни фонетических соответствий (большинство попыток К. Боуда вывести их неудачно), ни закономерностей лексических и грамматических переходов. Состояние работы бесконечно далеко от построения сравнительной баско-кавказской грамматики и этимологического словаря. Между тем, чтобы утвер-

¹ См. В. Георгиев, Вопросы родства средиземноморских языков, стр. 47. Здесь, правда, допущены в критике некоторые ошибки (баск. *habe* — ср. лак. *xjabi* «дерево» — значит не только «балка», но в диалектах также «дерево, поросль» и т. п.), однако это не меняет существа дела.

ждать родство, нужны такая грамматика и такой словарь. Поскольку их нет, баскско-кавказское родство остается гипотезой.

*

Гипотезы различаются по степени вероятности, которая зависит от количества «опорных» фактов. Гипотеза картвельско-горского кавказского родства весьма вероятна, поскольку она опирается на значительное число фактов. Гипотеза кавказо-афтекского родства почти невероятна, так как она опирается на мизерное число фактов. Гипотеза баскско-кавказского родства менее вероятна, чем первая, гораздо больше, чем вторая и более, чем другие версии баскского родства, если даже оставаться на лингвистической почве¹.

Но можно ли считать разработку этой гипотезы основной задачей кавказоведа, востоковеда и басколога в настоящее время? Задачи определяются не только степенью вероятности возникающих гипотез, но и характером и состоянием изученности материала. Учитывая трудности работы в баскско-кавказской области, о которых мы говорили выше, и состояние конкретного изучения, мы должны присоединиться к мнению, высказанному еще А. Мейе: выяснение баскско-кавказского родства нельзя считать теперь основной задачей. Возможно, что в недалеком будущем баскско-кавказские сопоставления станут более плодотворными. Тогда можно будет говорить о расширении масштабов этой работы. Пока что можно говорить о баскско-кавказской гипотезе только как о второстепенной задаче, как думает, между прочим, и Р. Лафон.

Основные задачи остаются различными в различных привлекаемых областях исследования, что не снимает необходимости широких сопоставлений. Для баскологии, в частности, основная задача состоит пока в построении этимологического словаря и сравнительно-исторической грамматики баскских диалектов на их собственном материале. Эта задача неотделима от изучения внешней, романской истории баскского языка, на которой проф. А. С. Чикобава заострил внимание языковедов в 1950 г., указав, что «... „схождение“ баскского с древним латинским и новыми романскими языками на протяжении по меньшей мере двух тысяч лет (разрядка моя. — Ю. З.) не сделало баскский язык родственным с испанским или французским языками»².

¹ Финно-угорская версия опирается в основном на словарные совпадения, североамериканская — на типологические, австронезийская — на некоторые морфологические. Кавказская версия базируется на фактах различного рода, не говоря уже о их количестве.

² Арп. Чикобава, О некоторых вопросах советского языкознания, «Правда» 9 V 50.